

УДК 1 (091)

Цензура философской литературы в России: от века серебряного к веку железному

Б.В. Емельянов

Уральский государственный университет, кафедра истории философии

Аннотация. Автор анализирует проблемы цензуры философской литературы во времена царизма, Временного правительства и в советское время (1917-1987). Основываясь на примерах цензурных запретов в изданиях книг и статей, их уничтожения или перемещения в так называемый спецхран, доказывается, что цензурная политика была репрессивной.

Abstract. The author analyses the censorship policy towards philosophical literature of the Tsar and the Temporary government and the Soviet government in 1917-1987. Based on the examples of the censor prohibitions of books and papers, their destruction and transferring to the library special storages, it has been proved that the censorship policy was repressive.

Ключевые слова: русская философия, цензура, Главлит, большевики
Key words: Russian philosophy, censorship, Glavlit, Bolsheviks

1. Введение

Свобода слова и печати была объектом борьбы прогрессивных сил России с царским правительством. Однако вплоть до начала XX века заметных успехов в освобождении печати от преследования цензуры она не приносила.

Однако существует большая разница в отношении к философии в XIX веке и, особенно, в начале XX в. после известного Манифеста 17 октября 1905 года со стороны царского правительства и большевиков после их победы в октябре 1917 года.

2. Цензура в начале XX века в России

Усиление классовой напряженности, растущая оппозиция царизму заставили царя пойти на определённые шаги в изменении отношения к печатному слову. 12 декабря 1907 г. он подписал приказ Сената "О предначертаниях и усовершенствованию государственного порядка", в 8 пункте которого говорилось: "...устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, поставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнить высокое призвание быть передовою выразительницею разумных стремлений на пользу России" (Цит. по: *Валле-де-Барр*, 1906).

В исполнение этого указа Совет министров 25 января 1905 г. создал комиссию ("Особое совещание") для обсуждения вопроса о цензуре и создании нового цензурного устава под председательством члена Госсовета директора Публичной библиотеки Кобеко, который на первом её заседании сформулировал задачи комиссии: "Надо пересмотреть весь цензурный устав ... и, кроме того, карательные меры, содержащиеся в уголовных законах... Наша задача заключается в предоставлении печати больше облегчений сравнительно с теми, какие были дарованы в 1865 году" (Цит. по: *Бережной*, 1967). Деятельность комиссии попала под постоянный контроль со стороны общественных сил и давления с их стороны. Представители петербургских газет и журналов подали председателю комиссии "записку" с требованием отмены цензурного подчинения печати "общесудебной ответственности", с этими же требованиями выступили Общество любителей словесности при Московском университете, съезд российских журналистов, съезд московских писателей. Наконец, был создан "Союз в защиту свободы слова".

Между тем в стране набирала силу Первая русская революция. Чтобы как-то воспрепятствовать распространению информации о рабочих выступлениях, 10 апреля 1905 года Главное управление печати начало поход против периодической печати с большим диапазоном карательных мер. Но они уже были малоэффективны. 17 октября 1905 года царь был вынужден подписать Манифест, в котором среди прочего было сказано: "...даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов" (Цит. по: *Валле-де-Барр*, 1906).

Практическая реализация этого пункта привела к введению в действие с 24 ноября 1905 года "Временных правил о повременных изданиях". Однако и после этого цензурные преследования продолжались. Так, 10 апреля 1906 года в Петербурге изъят из продажи первый номер журнала "Освобождённая мысль" за публикацию "Речи бунтовщика" Кропоткина; 13 апреля в Москве эта же участь постигла книги Либкнехта "Пауки и мухи", Каутского "За что они борются", "Франкфуртская программа" и книгу "Из истории декабристов"; 10 июня арестована брошюра Каутского "Русский и американский рабочий" с предисловием А. Луначарского. Историк печати В. Розенберг свидетельствовал: "На скамьях подсудимых... как намеренно, собран был цвет литературы и публицистики, а стол вещественных доказательств украшали порой такие произведения человеческой мысли, которым на Западе давно отдана заслуженная дань признательности и удивления" (Розенберг, 1914). К примеру, хотя сам Л.Н. Толстой – признанный гений мировой литературы, ни разу не получал повестки в суд, его произведения ежегодно были предметом судебных разбирательств. Только в 1912 г. 43 издания произведений писателя были запрещены. В числе запрещенных в это время трудов можно встретить имена большинства русских мыслителей. "Имена Бакунина, Герцена, Лаврова, Кропоткина, разумеется, находятся на своих местах в этом своеобразном «словаре вредных писателей»" (Розенберг, 1914).

3. Большевистское правительство и свобода слова

Свой вклад в борьбу за свободу печати и слова внесли большевики (Бережной, 1967). В программе РСДРП(б), принятой на II съезде партии (1903), они обещали, что, когда пролетариат победит, все получат "неограниченную свободу слова и печати". Уже после Февральской революции были приняты определённые решения относительно цензуры. Временное правительство 27 апреля 1917 года опубликовало постановление "О печати", смысл которого заключался в следующих словах: "Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается" (Сборник указов..., 1917), что означало ликвидацию всех царских законов и постановлений о цензуре и установление именно революционного понимания свободы слова и печати.

Понимая, сколь велико общественное значение информации и её свободы, большевики 27 октября 1917 года опубликовали "Декрет о печати" за подписью председателя Совнаркома Владимира Ульянова (Ленина). В нём апрельская свобода слова и печати отменялись со ссылкой на необходимость борьбы с буржуазной идеологией: "В тяжкий и решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный Революционный Комитет вынужден был предпринять ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков. Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая, социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати. ...как только новый порядок упорядочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены: для неё будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно широкому и прогрессивному в этом отношении законодательству" (Издательское дело..., 1972). Хотя временный характер этого декрета неоднократно утверждался, он по своей сути так и не был изменен.

Прогрессивные силы не приняли большевистского толкования представлений о свободе печати. 7 ноября 1917 года в газете "Новая жизнь" Горький написал: "Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия" (Цит. по: Павлов, 1999). Через несколько дней в "Русских ведомостях" А. Кизеветтер опубликовал статью "Большевики и печать", в которой прямо заявил: "Творчество большевиков сопровождалось половецким набегом на свободу печатного слова... Свобода печати при большевиках есть не более, как словосочетание, лишённое смысла. И если свобода печати является насущной потребностью народной жизни и ярким проявлением действительной свободы народа, то всё это свидетельствует лишь о том, сколь губительно для страны большевистское иго уже само по себе... Гонением на печать большевики дорисовывают свой собственный политический облик и, несмотря на красные цвета, которыми они усердно себя размалёвывают, они прочно обеспечивают себе место на самой черной стороне в многострадальной истории нашего общества" (Цит. по: Свободное слово..., 1991).

Резкое обвинение в адрес большевиков прозвучало в выступлении Д.С. Мережковского на общегородском митинге в защиту свободы печати, состоявшемся в Петрограде 26 ноября 1917 года. По его мнению, "в приказе об удушении печати Ленин признается с убийственной наивностью, что свобода слова для него опаснее, чем террористические бомбы, яд и кинжал... перед свободным словом, безоружным и беззащитным, он сам, со своими миллионами штыков, безоружен и беззащитен. Пока оно живо, он мертв. Или он, или оно – им вместе быть нельзя. Так было до Николая Второго Романова; так и сейчас – для второго Николая Ленина; так для всех тиранов. Тираны знают, что свободное слово есть

первое и последнее дыхание самой свободы; с ним она рождается и с ним умирает" (Цит. по: *Свободное слово...*, 1991).

Справедливости ради необходимо отметить, что в защиту слова и свободы печати выступили и некоторые большевики. Однако, безуспешно. К примеру, в 1918 году пермский коммунист Г.И. Мясников предложил дать свободу печати всем "от монархистов до анархистов включительно". Ленин ответил на это предложение так: "Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и её вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый" (*Ленин*, 1970). Через несколько дней Оргбюро ЦК РКП признало предложения Мясникова "несовместимыми с интересами партии". Через год его исключили из партии и выслали в Германию.

Чтобы институировать положения "Декрета о печати" и претворить их в жизнь, 18 декабря 1917 года Наркомат юстиции создал "Революционный трибунал (!) печати", который осуществлял репрессивную политику против изданий и авторов, неудобных большевикам. К лету 1918 года оппозиционная печать была уничтожена, типографии закрыты, а редакции репрессированы. И вместе с тем в принятой 18 июня 1918 года первой Конституции РСФСР была статья, утверждающая "свободное распространение" любых произведений печати "в целях обеспечения за трудящимися свободы выражения своих мыслей". Это была в определенном смысле политическая декларация, хотя реальная картина "свободного распространения" печатного слова представляла сложный и не всегда угодный большевикам процесс. Дело в том, что наряду с государственными в Петрограде и Москве после революции продолжали существовать частные и кооперативные издательства, которые проводили свою, как правило, демократическую политику издательской деятельности. Самое интересное свидетельство их работы мы находим в небольшой книге П. Витязева "Частные издательства в Советской России" (Пг., 1921 г.).

4. Развитие издательской деятельности в России в первые годы советской власти

Издательств было достаточно много, самые большие и известные из них: в Петрограде – "Колос", "Кооперация", "Наука и школа", "Огни"; в Москве – "Задруга", "Альциона", старое издательство Сабашниковых. Каждое из них в послереволюционное время издало немало книг из репертуара русской философской литературы и историко-философских исследований о ней. П. Витязев приводит их список по каждому из издательств. В этих списках достаточно много оригинальных произведений русских философов как дореволюционных, так и современных. Укажем только некоторые: пять томов сочинений М.А. Бакунина, одиннадцать выпусков сочинений П.Л. Лаврова, восемь выпусков книги Р.И. Иванова-Разумника "История русской общественной мысли", две книги Л.П. Карсавина "Введение в историю" и "Культура средних веков", двухтомная "Система социологии" П.А. Сорокина, три книги Н.О. Лосского "Основные вопросы гносеологии", "Введение в философию" и "Сборник задач по логике", две книги К.М. Тахтарева "Общество и государство" и "Наука об общественной жизни", а также книги Вяч. Иванова, Г. Шпета, Н. Кареева, Э. Радлова, С. Алексеева, М. Рубинштейна и других.

Чтобы как-то ограничить деятельность и прогрессивное значение этих издательств, большевики предприняли ряд мер. Во-первых, Совнарком национализировал не только художественные произведения, но и философские труды как умерших, так и здравствующих авторов. С этого момента разрешение на их издание было в руках Наркомпроса, а самовольное издание преследовалось в судебном порядке. Во-вторых, государство национализировало фонды библиотек и книги, которые лежали на книжных складах. Исключение составляли личные библиотеки и фонды библиотек государственных, научных и учебных заведений. В-третьих, Правительство "в целях создания в РСФСР единого государственного аппарата печатного слова" решило национализировать саму издательскую деятельность, создав Государственное издательство РСФСР. Изначально Госиздат получил большие права: только он имел право издавать учебники и произведения классиков отечественной и зарубежной литературы; только он, вероятно, это главное, выдавал другим издательствам квоты на бумагу.

Потребовалось немного времени, чтобы Госиздат доказал свою эффективность. Правительству оставалось сделать последний шаг. Если в "Положении о Госиздате" (20 мая 1919 года) о цензуровании рукописей не говорилось, то вскоре такая задача ему была поставлена, а 12 декабря 1921 года Госиздат получил специальную инструкцию, предписывающую цензурировать любую рукопись, поступающую в Госиздат. Более того, при нем был создан специальный Политотдел, "политредактора" которого проверяли политическую благонадежность присылаемых рукописей. На прямую подчиненность этого Политотдела Политбюро РКП(б) указывает выписка из протокола заседания Политбюро РКП(б) от 18 ноября 1921 года с грифом "секретно". Вот её содержание: "*Слушали*: Просьбу Политотдела Госиздата о принципах работы Политотдела (т. Мещеряков). *Постановили*: Указать т. Мещерякову, как директору, что он ни в коем случае не должен ограничивать допущения книг тем, которые сочувствуют марксизму, Коминтерну и т.п., но в то же время не допускать изданий явно реакционных направлений, к каковым

причисляются книги религиозные, мистические, антинаучные, политически враждебные и т.п." (Блюм, 1994). Эти установки были приняты к исполнению, о чем и докладывал Мещеряков в своей "Докладной записке к отчету Политотдела": "Политотдел тогда совершенно правильно усвоил курс беспощадного отношения ко всевозможным политическим и идеологическим промахам, которые встречались обильно в редактируемом материале... Ощупывая рукопись всесторонне, Политотдел до сих пор не отказывается от выявления суммарного общего мнения, в котором сочетались бы оценки произведения не только с точки зрения политической, но и общечеловеческой" (Блюм, 1994).

Основной удар Госиздат и его Политотдел направили на частные издательства. По свидетельству П. Витязева (1921), "некоторые отделения, особенно московский Госиздат, с усердием, во многом превышающим цензуру николаевских времен, «запрещали» и «не допускали» целый ряд изданий". В книге Витязева приведены примеры этих запрещений философской литературы. Была запрещена книга П.Л. Лаврова "Из истории социальных учений" (резюме: "все сочинение Лаврова есть старый хлам, который надо выбросить в сорную корзину, а не тратить на их печатную бумагу"), сочинение Н.К. Михайловского (резюме: "Государственное издательство находит несвоевременным издание полного собрания сочинений Н.К. Михайловского и рекомендует вам имеющуюся у вас бумагу употребить на печатание литературы агитационного характера"). Среди запрещенных были книги П.А. Сорокина, Вяч. Иванова, А. Белого, М. Бакунина, П. Кропоткина, Н. Огарева и других русских мыслителей.

Работа частных издательств под давлением цензуры постепенно затухала, о чем имеются многочисленные свидетельства. Некоторые из них приводит А.В. Блюм (1994), много работавший с архивными документами советской цензуры. В своей книге "За кулисами «министерства правды»" он приводит весьма красноречивую докладную по поводу издательства "Колос" одного из гизовских цензоров в ГПУ: "Издательство «Колос» за апрель месяц почти ничего не издало... Из всех выпущенных этим издательством вещей две трети (6 изданий) потребовали вычеркнуть или возбуждены серьезные сомнения в их допустимости. Несомненен уклон к идеалистической философии, против марксизма в выпускаемых биографиях". Об этом же свидетельствовал и П. Витязев: "У большинства (издательств) сведены на нет все их издательские планы или грубо исковерканы их литературные начинания. Все те литературные течения, которыми была всегда так богата наша художественная беллетристика и поэзия, почти вычеркнуты из нашей жизни. Критики, которая имеет такую славную историю в прошлых страницах русской общественности, сейчас нет совсем. Публицистика умерла в ту самую ночь, когда произошла Октябрьская революция. Всяким «новым исканиям» во всех областях нашего духа положен конец" (Витязев, 1921).

5. Деятельность Главного управления по делам литературы и издательства

Обобщив первый опыт цензурного преследования инакомыслия, большевики декретом Совнаркома от 6 июня 1922 года создали специальный орган цензуры, назвав его Главным управлением по делам литературы и издательства (Главлит). В "Положении" о нем указывалось: "1. В целях объединения всех видов цензуры печатных произведений, учреждается Главное Управление по делам литературы и издательства при Народном Комиссариате Просвещения и его местные органы – при Губернских Отделах Народного образования. 2. На главное Управление по делам литературы и издательства и его местные органы возлагается: а) предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию или распространению произведений, как рукописных, так и печатных, изданий периодических и непериодических, снимков, рисунков, карт и т.п.; б) выдача разрешений на право издания отдельных произведений, а равно органов печати периодических и непериодических; в) составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению; г) издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов" (Горяева, 1997). И правы современные авторы, когда утверждают: "Факт организации Главлита в 1922 году можно рассматривать не как определенный поворот в отношении идеологии и культуры, а как логическое продолжение политики незаконной власти тоталитарного типа, более всего испытывающей страх перед свободой слова и свободой мысли" (Горяева, 1997). Подтверждений этих слов много, об этом же говорит и первое публичное заявление Главлита: "Товарищи! В настоящее время большое значение приобретает печатное слово, одновременно являющееся могучим средством воздействия на настроение разных групп населения Республики, как в наших руках, так и в руках наших противников. Своеобразные условия пролетарской диктатуры в России, наличие значительных групп эмиграции, усилившиеся благодаря новой экономполитике материальные ресурсы у наших противников внутри Республики создали благоприятную для них атмосферу в выступлении против нас в печати. Цензура является для нас орудием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии. Главлит (организованный по инициативе ЦК РКП) имеет своей основной задачей осуществить такую цензурную политику, которая в

данных условиях является наиболее уместной. Опыт цензурного воздействия выдвигает два основных пути цензурной политики: первый путь – административное и судебное преследование, которое выражается в закрытии издательств или отдельных изданий, сокращении тиража, наложении штрафа и предании суду ответственных лиц. Второй путь – путь умелого идеологического давления, воздействия на редакцию – путём переговоров, ввода подходящих лиц, изъятие наиболее неприемлемых и т.д. Органам Главлита необходимо иметь тщательное наблюдение не только за частными, но и за кооперативными, профсоюзными, ведомственными и прочими издательствами, имея подробные сведения о характере и программе, личном составе правления, связи издательств с общественными политическими группировками, как в России, так и за рубежом..." (Горяева, 1997). Цитата несколько велика, но в ней целая программа действий Главлита, его, так сказать, идеология.

Работая под непосредственным руководством Политбюро РКП(б) Главлит периодически получал от него инструкции, каждая из которых ужесточала и без того строгие цензурные правила. Такая инструкция 1925 года носила название "О мерах воздействия на книжный рынок". Согласно этой инструкции, Главлит должен руководствоваться: "а) в области художественной литературы, по вопросам искусства, театра и музыки, ликвидировать литературу, направленную против советского строительства... б) литературу по вопросам философии, социологии ярко идеалистического направления и рассчитанную на широкую аудиторию не разрешать, пропуская лишь в ограниченном тираже классическую литературу и научного характера, если они не могут заменить собою учебники, пособия, или служить для самообразования, в) литературу по естествознанию явно не материалистического направления не разрешать... г) из детской и юношеской литературы разрешить к изданию лишь способствующую коммунистическому воспитанию, д) из религиозной литературы разрешать к печатанию только литературу богослужебного характера. Применять эти принципы ко всем верованиям, сектам и направлениям". Из-за границы запрещалось ввозить и распространять "все произведения печати, заключающие в себя нарушения цензурных требований, предъявленных Главлитом ко всем произведениям печати, издающимся в России" (Горяева, 1997).

За всё время существования советской власти так и не был создан Закон о печати, регламентирующий отношения между авторами и издателями, хотя в царское время такие законы, уставы и положения были. В 1923 году в Отделе печати ЦК РКП был создан проект такого закона. В его преамбуле говорилось: "На основании статьи 14 Конституции РСФСР в интересах содействия успешному строительству рабоче-крестьянского государства и в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений, как периодические, так и непериодические издания трудящихся, как-то: Советов и их центральных и местных губернских и областных органов, Коммунистического Интернационала и его секций, РКП, Профинтерна и Профессиональных союзов на языках всех народов мира от просмотра предварительной политической цензуры освобождаются" (Горяева, 1997). Против этого закона выступил сам Главлит и Госиздат, а ЦК ВКП(б) с их нежеланием иметь закон о печати согласился.

Только в 1938 году появилось нечто похожее на новый проект закона о печати – Положение о Главном управлении цензуры при Совнарком СССР, созданное в недрах самого Главлита. Наиболее впечатляет в тексте проекта не столько подробнейшее перечисление всех возможных объектов цензуры, сколько структура возводимого монстра, в которой предполагались специальные подразделения по "изъятию и конфискации подлежащих произведений печати и искусства" (функции НКВД), а также главная инспекция по собственному внутреннему контролю "за выполнением постановлений партии и правительства о печати, зрелищах, радиовещании и полиграфпредприятиях" (Горяева, 1997). И этот проект так и не стал законом. Как впрочем, и последующие намерения типа закрытого Постановления ЦК КПСС от 7 января 1969 года "О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара" или решение Политбюро ЦК КПСС от 11 декабря 1975 года о разработке закона о печати.

Одной из форм цензуры была чистка фондов библиотек, освобождение их от литературы, которая, как считали большевики, наносит вред марксистской идеологии и социалистическому строительству. Обращает на себя внимание следующий факт. Совнарком Декретом от 20 апреля 1920 года объявил, что "все запасы книг и иных печатных произведений (за исключением библиотек), принадлежащие частным лицам, так равно и муниципализированные Советами, объявляются собственностью государства (национализируются)". На практике это означало, что фонды библиотек частных лиц (ученых, писателей), учебных заведений, учреждений стали изыматься и свозиться в отведенные для них склады. А затем их распределяли в основном для создания библиотек вновь создаваемых советских учебных заведений. К примеру, для вновь созданного в 1920 году Уральского государственного университета выделили железнодорожный вагон таких конфискованных книг, среди которых оказалось несколько ценных библиотечных собраний сенаторов Ф.Т. Фан-дер-Флита и

Н.А. Тройницкого, а главное – библиотека Царскосельского лицея, в фондах которой были редчайшие издания по истории, философии, экономике, религии (Емельянов, Цыпина, 1984).

В первые годы Советской власти чистка библиотечных фондов носила эпизодический характер. Тогда же за подписью председателя политико-просветительского отдела Наркомпроса Н.К. Крупской, заведующего Главлитом П. Лебедева-Полянского и председателя Центральной библиотечной коллегии М. Смушкова была опубликована "Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек" (Красный библиотекарь. 1921, № 1(4)). Согласно этой инструкции, из фондов библиотек изымались "вредные" книги: в отделе философии изымались "книги в духе идеалистической философии" Мережковского, Соловьева, Достоевского, Л. Толстого и др. (всего 106 авторов). А в пункте 11 было записано: "Не более двух экземпляров всех изъятых в качестве вредных и контрреволюционных книг должны храниться в особо запертых шкафах и выдаваться исключительно для научных и литературных работ. На эти книги должны быть составлены специальные каталоги, выдаваемые в необходимых случаях". Так было положено начало печально известному спецхрану. Это цензурное правило вызвало протесты общественных деятелей России и зарубежья. В одном из своих писем от 8 ноября 1923 года М. Горький писал В.Ходасевичу: "...в России Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рескин, Нитуне, Л. Толстой, Лесков, Ясинский(!), и еще многие подобные еретики. И сказано: "Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги". Все сие будто бы отнюдь не анекдот, а напечатано в книге, именуемой: "Указатель об изъятии антихудожественной и контрреволюционной литературы и библиотек, обслуживающих массового читателя" (Ходасевич, 1989). И это была правда. Работы перечисленных авторов были изъяты из библиотек, а издающееся собрание сочинений Платона было прекращено в 1929 году (из 15 томов было издано 6). В спецхран попали труды всех (!) религиозных философов как отечественных, так и зарубежных. И не только их труды, но и все богословские журналы, в которых они печатались: "Православное обозрение", "Вера и разум", "Богословский вестник" и др. До 1987-1989 гг., когда спецхраны прекратили своё существование, в их фондах насчитывались сотни тысяч названий (!) книг. Это были книги, журналы и газеты "белых" периода Гражданской войны, репрессированных деятелей партии и правительства (Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина и др.) и все издания, где они упомянуты (среди таких изданий все 5 изданий книги Ленина (!) "О Троцком и троцкизме", 15 книг Луначарского, три книги Горького, 180 книг и брошюр Н. Бухарина); вся эмигрантская литература; издания на иностранных языках в основном общественно-политического содержания (Джимбинов, 1990).

Обязательной цензурной проверке подлежали не только фонды библиотек, где библиотекари пользовались "Сводным списком книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети" и "Списком лиц, все произведения которых подлежат изъятию", но и букинистские магазины, у товароведов которых был трехтомный список книг, которые нельзя принимать для реализации, либо в них нужно было вырывать или замарывать страницы с информацией, чуждой марксистской идеологии. Но и у них встречались не предусмотренные цензурой провалы. К примеру, ленинградские цензоры обнаружили в одном из букинистических магазинов книги "реакционного философа Бердяева, контрреволюционера, реакционного экономиста и философа С.Н. Булгакова", на что книготорговцы объяснили, что в известных списках литературы, подлежащей запрещению, их нет (История..., 1997).

История большевистской цензуры изобилует парадоксальными моментами, которыми вряд ли может гордиться демократическое общество. В свое время Н.К. Крупская, отвечавшая в Наркомпросе за чистку библиотек, чтобы оградить детей от чуждой идеологии приказала изъять из круга их чтения... сказки (!), потому что "в сказках бывает так много недоговоренного, намеков, и то, на что намекается, может казаться таким красивым, заманчивым, а на деле является самой ядовитой и вредной пищей для детского ума!" (Крупская, 1983).

Главлит практически не только запрещал, но и исправлял (!) уже изданные книги. В частности, в циркуляре Главлита от 7 октября 1947 года говорится: "В связи с запросами с мест разъясняется: 1. Исправления изданий, содержащих предисловия, послесловия, библиографию, статьи и портреты лиц, все произведения которых подлежат изъятию, не требуют специального указания Главлита СССР и производятся самостоятельно работниками библиотек. 2. Исправления могут производиться лишь в тех случаях, когда предисловия, послесловия, рекомендательные списки литературы (библиография), статьи или портреты удаляются свободно и не затрагивают основного текста книги. 3. При удалении вышеуказанных материалов обязательно производить соответствующие вычерки на титульных листах, в оглавлениях и, если необходимо, на обложках книг, затушевывая все ссылки на вырезанную статью и фамилию её автора" (Цензура..., 1995). В результате даже собрания сочинений классиков русской литературы выходили усеченными. Так, имеющее большое мировоззренческое значение произведение "Размышления о Божественной литургии" Гоголя ни в одно советское, даже академическое, собрание сочинений не вошло "как не имеющее прямого отношения к литературной деятельности Гоголя и

представляющее узко биографическое значение". Так и не был издан роман Достоевского "Бесы". Вернее, в издательстве "Academia" в 1931 году его издали, но сразу же весь тираж 5300 экземпляров уничтожили, оставив не больше десятка экземпляров "для истории". А из советского собрания сочинений Ф. Тютчева цензоры изъяли его политические статьи "Россия и революция", "Россия и Германия", "Папство и римский вопрос", "О цензуре в России". Эти примеры, к сожалению, можно множить и множить.

6. Заключение

Русская философия XX века как в дореволюционное, так и в послереволюционное время испытывала на себе весь объём преследований, тормозящих её развитие, превращавших её в репрессированную философию. Проверенным средством ограничения "степеней свободы" развития философского знания была цензура, интенсивно применяемая как царизмом, так и большевиками.

История цензурных репрессий по отношению к философской литературе покажет, сколь трагична была политическая судьба отечественной философии XX века.

Литература

- Бережной А.Ф.** Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати. *Л., Наука*, с.138, 1967.
- Блюм А.В.** За кулисами "министерства правды". Тайная история советской цензуры. 1917-1929. *СПб.*, с.53, 55, 147, 1994.
- Валле-де-Барр Е.А.** "Свобода" русской печати (после 17 октября 1905 г.). *Самара*, с.1, 11, 1906.
- Витязев П.** Частные издательства в Советской России. *Пг.*, с.20, 25, 1921.
- Горяева Т.** Культура и цензура: мифы и реальность, или история борьбы против правды. *В кн.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.*, с.8, 9, 48-49, 9-10, 1997.
- Джимбинов С.** Эпитафия спецхрану. *Новый мир*, № 5, 1990.
- Емельянов Б.В., Цыпина Н.** "Нашли приют надежный" (Книги Царскосельского лицея в библиотеке Уральского университета). *Уральский библиофил, Свердловск*, с.81-93, 1984.
- Издательское дело в первые годы Советской власти (1917-1922). Сборник документов и материалов. *М.*, с.11, 1972.
- История советской политической цензуры. Документы и комментарии. *М.*, с.35-36, 588, 1997.
- Крупская Н.К.** О библиотечном деле. *М.*, т.2, с.285, 1983.
- Ленин В.И.** Полное собрание сочинений. Изд.5. *М.*, т.44, с.79, 1970.
- Павлов Д.Б.** Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 50-х годов. *М.*, с.21, 1999.
- Розенберг В.** Летопись русской печати (1907-1914). *М.*, с.11, 67, 1914.
- Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 года. *Пг.*, с.212, 1917.
- Свободное слово не может быть страшно для демократии. *Дружба народов*, № 10, с.232-233, 236, 1991.
- Ходасевич В.** Воспоминание о Горьком. *М.*, с.22, 1989.
- Цензура в царской России и Советском Союзе. *М.*, с.31, 1995.